

СБОРНИК ЛУЧШИХ СОЧИНЕНИЙ О ПОДВИГЕ ГЕРОЕВ

Наталья Шангина,

победитель конкурса 2017 года (Орловский район):

- «Артек» был моей мечтой. Стремясь воплотить ее в жизнь, я два года подряд принимала участие в конкурсе. Став в прошлом году победителем, была счастлива! «Артек» меняет жизнь, учит уважать людей, беречь каждую минуту, жить по максимуму. Ты вдруг понимаешь, что надо дорожить каждой минутой, неустанно трудиться и развиваться - и тогда все получится. Именно там, в «Артеке», я увлеклась журналистикой. Благодаря конкурсу я не только узнала историю своей семьи, но и смогла рассказать о ее героических страницах другим. Теперь подвиг моего прадеда стал частью истории страны. Ради этого уже стоит участвовать в конкурсе!

Екатерина Буркова,

победитель конкурса 2017 года (г. Киров):

- «Артек» запомнится мне на всю жизнь. Это место, где по-другому начинаешь жить, чувствовать, думать. Это люди, которые за короткое время, становятся настоящими друзьями. Конечно, мы до сих пор общаемся. Когда-то в «Артеке» была моя мама - от нее я часто слышала восторженные отзывы. Как теперь я ее понимаю! «Артек», действительно, впечатляет. Он меняет жизнь.

Владимир Архипов,

член оргкомитета конкурса, заместитель председателя Кировской областной общественной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане отметил неформальный подход в проведении конкурса:

- Можно абстрактно говорить о подвиге народа, страны. Но, когда этот подвиг в сочинениях ребят раскрывается через призму семьи, родного человека, это уже совсем другое восприятие истории. Это не обобщенный образ, это твой предок, у которого есть имя, конкретная история и судьба.

г. Киров | 2018 год

Сочинение.
В годы Великой Отече

РАХИМ АЗИМОВ

Председатель оргкомитета конкурса
Депутат Государственной Думы Российской Федерации

Дорогие друзья,

наш конкурс проходит уже третий год. В этот раз по просьбам учащихся и их родителей мы расширили тематику сочинений. Героями творческих работ школьников стали не только участники Великой Отечественной войны, но и те, кому довелось пройти боевые действия и локальные вооруженные конфликты более позднего времени. Мы видим, что отвага и доблесть были и остаются важнейшими качествами российского народа. Наши прадеды, деды, отцы, братья во все времена рисковали и рискуют своими жизнями не ради медалей и орденов, а во имя сохранения мира и торжества гуманистических ценностей. Поэтому важно, чтобы мы из поколения в поколение передавали память о тех, кто до конца исполняет свой долг, проявляя истинное благородство, волю и твердость.

Дорогие ребята, благодарю вас за то, что из года в год вы проявляете искренний интерес к конкурсу. Я также признателен вашим родителям и педагогам, которые помогают вам и вместе с вами изучают истории жизни ваших родных и земляков. Именно так, через судьбы конкретных героев, мы получаем возможность лучше узнать историю страны – она становится не обезличенной, а по-настоящему живой, достоверной и трогательной за душу. Можно с уверенностью сказать: рассказывая о подвигах героев России, вы делаете важное для всей страны дело!

Накануне Дня Победы авторы 10 лучших сочинений были награждены путевками в Международный детский центр «Артек». В этом сборнике представлены работы, победившие в этом году.

Пусть чтение лучших сочинений станет не только увлекательным, но и принесет вам уникальные знания об истории наших земляков-героев.

ПОДВИГ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор: Ворончихина Марина Александровна, 15 лет
МОАУ СОШ с УИОП № 37 г. Кирова

Памяти моих бабушки и деда.

Я лежала на мягкой траве, раскинув руки. Ветер нашёптывал мне какую-то нежную песенку, а мягкая трава ласкала плечи, наклоняясь в ритм ветру. Я приехала сюда снова, на свою малую родину к моей прабабушке, в деревню Пинюг в Орловском районе. Это была давно уже заброшенная деревня со своей великой историей. Но это место было будто заколдовано. Приезжая сюда, каждый раз, как по приказу неведомой силы, я выпускала из рук телефон, выдыхала городской быт и вдыхала лесную сказку. Вокруг шумели деревья-великаны, бархатная трава окутывала ноги, солнце освещало лесную тропинку. По небосклону скользили белые облака, исчезая за верхушками деревьев. Куда они торопятся? Зачем бегут прочь, если здесь так хорошо? Однако были и другие времена... Сколько криков заглушили эти деревья! Сколько слёз впитала эта земля! Сколько молитв слышало это небо! Мысли о войне роем ворвались в голову, и я закрыла глаза, чтобы их не слышать. Жаль, что «они» не могли спрятаться от войны так же, потому что не имели права прятаться. Потому что они тоже хотели защитить это место и подарить его своим детям, внукам, правнукам. В этот миг я будто бы услышала сквозь годы голос прабабушки: «Я открыла глаза и посмотрела на небо. Боже, за что мне такое наказание? Завтра я стану женой человека, которого не люблю. Которого ненавижу! Как жить мне без моего ненаглядного? Как жить дальше? Тогда я ещё не знала, что скоро будет война. В то время я лишь мечтала выйти замуж за гармониста, первого парня на деревне, которого я любила всей душой! Но судьба-злодейка, видно, этого не желала. Слезинки

скатились, одна за другой, на траву. Этот мужчина никогда не будет мною любим!»

Нежеланным женихом был мой прадед, участник Великой Отечественной войны, дошедший до самого Берлина, награждённый медалью «За отвагу» и многими другими наградами. Его приятный баритон зазвучал в моей голове: «Я увидел её на вечерке. В тот вечер она пришла с подругами. И почему раньше не встречал её? Улыбка озаряла её лицо; стоило кому-нибудь что-то сказать, как она тут же заливалась звонким смехом, словно колокольчик. Румянец не сходил с её щёк, а русые волосы, слегка растрепанные, были заплетены в тугую косу. И тогда, в тот самый миг, я понял, что она - моя судьба... Я женюсь на этой девушке!»

Так красная нить судьбы свела их вместе. Но глаза моей бабушки не сияли счастьем: «Свадьбы редко бывали в деревне, но когда бывали, то собирались все. Народ вокруг веселился, танцевал, пел песни... Но никто не замечал моего горя - горя невесты: как слезинка вдруг одиноко заблестит в глазах, как лицо искривится, когда в очередной раз гости закричат: «Горько!» Мой жених, как назло, улыбался, принимал поздравления. Это он просил моей руки у отца, отдавшего родную дочь в брак без любви! Он лишил меня счастья любить! Его никогда не прощу!»

Моё сердце щемило от жалости к несчастной девушке, которой не оставили выбора, у которой отобрали право любить. На свадьбе она увидела его в последний раз: «На нашу свадьбу появился её гармонист. Да ещё и с ружьём! Говорил, что не уйдёт без неё, что любит. Я вскочил с места. Я вообще не боялся за себя, я волновался за

неё. Что скажет? Как поступит?»

Хриплый от волнения голос бабушки раздался в ушах: «Уходи. Убирайся прочь!» – прокричала она, сорвавшимся голосом. Не было даже сил заглянуть в любимые глаза. О, как хотелось рвануть к нему, и уйти за ним, навсегда уйти за любовью! Но она уже приняла решение. Она прогнала его. Уходя, он не обернулся.

Так в сентябре 1939-ого бабушка стала женой Николая Ивановича Рогожников. Но их супружеская жизнь была недолгой. Скоро на нашу страну свалилось неслыханное прежде горе! Проклятая война! 22 июня 1941 года. Бабушка часто рассказывала маме о тех днях: «Всю ночь я не спала: «Что будет дальше?» Не спал и Николай. На рассвете он выдал из себя только два слова: «Проводи меня»... Говорить было нечего, я просто заглянула в его глаза и прочитала в них досаду, боль и холодную решимость. Мы пришли к сельсовету, а там уже почти все мужики деревни, тишина, бабьи всхлипывания, мужской говорок. Впервые за эти два года семейной жизни я сама припала к груди мужа. Каждый человек на деревне, знал, что война-доселе редко встречаемое слово – означает что-то страшное, жестокое.

Николай Иванович Рогожников

Но деревенские люди не меньше того понимали, что нужны Родине, как никогда прежде. Сердце моё вдруг оттаяло, и я сказала:

– Да надолго ли это? Скоро вернёшься! Да тебя, такого здорового, любой фашист испугается!

Господи! Как я тогда ошибалась!»

Мужчины уходили на войну. Разве знали они, как сложно будет вернуться? Но русский человек бесстрашен! Он готов идти на любые подвиги ради своей Родины! Вот и мой дедушка, наполненный решимостью, отправился на фронт: «Вся деревня провожала нас в дорогу. Мужики улыбались, не давали слабину, а женщины рыдали. Все до одной. Сколько боли познали наши матери и жёны! Но разве ж кто знал наперёд, что так будет? Моя стояла в стороне, белая. Холодным взглядом она сверлила меня, но я знал, что ей тоже больно. Как не хотелось её оставлять! Мы ведь даже толком не попрощались! Она собрала меня в дорогу и всю ночь тихо проплакала. Думала, я не слышу, а я всё слышал. Валентина редко улыбалась мне, всегда была холодной, отстраненной. А теперь и вовсе забудет! И тогда я сказал себе, что не позволю ей забыть себя! Я постараюсь вернуться!».

Самое страшное случилось после. Пламя войны медленно, но верно испепеляло метр за метром русской земли. Наша область была в глубоком тылу, но каким был этот тыл для моей бабушки? Она рассказывала: «Деревня опустела, будто завяла. Не слышно теперь было мужского раскатистого смеха и грубоватых шуточек, никто не играл на гармонии возле домов, сиротливо лежал в мастерских мужской инструмент... Колхоз застыл. Нас захлестнула волна горя, пока однажды жена председателя не созвала всех женщин, стариков и детей к сельсовету. Тогда она кричала, с лицом, искажённым болью, о солдатах, о войне: «Мы нужны своим мужьям, отцам, сыновьям! Всё для фронта! Бабоньки, давайте поможем! Давайте победим войну! Давайте вернём их домой!»

Всё для победы! Всё для фронта!» Почему за ней так хотелось идти? С виду слабая, худая женщина, но у неё хватило сил занять место мужа. Хватило сил сдержать слезу и взять в руки всю деревню. В этот же день нас охватило непреодолимое желание, если не оказаться на передовой линии, если не взять в руки винтовку, то хотя бы взяться за плуг, за топор, за молот! Встать за наковальню, выйти в поле, в лес - и работать, работать, работать! У нас, у молодых девчонок, забурилла, вскипела кровь, загорелись глаза. Всё для победы! Что мы могли? У нас был лес, который очень нужен фронту, у нас есть поля, на которых растёт хлеб, и в нем тоже больше нуждается фронт, чем мы, а еще мы – женщины, мы можем обшивать и обвязывать солдат. Мы таскали мешки с зерном, мукой по пятьдесят-семьдесят килограммов, работали в лесу, (да еще как работали!), но при этом оставались молодыми девчонками и пели песни, которые лишь раззадоривали нас. Всё для фронта! В августе 1941 в Котельнич пришёл первый эшелон с ранеными... От колхоза нас отправили на помощь котельничанам в разгрузке и распределении по госпиталям раненых. Моё представление о войне перевернулось. Мы смотрели на них, перевязанных, без рук, без ног, с забинтованными головами. Глаза девчат округлялись от страха и ужаса. «Николай!» – молниеносно пронеслось в голове – «Жив ли ты? Здоров?» Тогда весь наш женский коллектив осознал наконец, что происходит на фронте. Позднее мы стали ездить в госпиталь Котельнич, желая узнать хоть что-то о родных. Раненые ничего не рассказывали, молчали и кричали по ночам. Иногда вдруг начинали плакать. Я наблюдала за взрослым мужчиной, кричавшим во сне: «Мама!» Невыносимо слышать такое! Женщин охватывало новое чувство - беспокойства, тревоги, страха за своих мужчин. Труд становился всё тяжелее, руки стали чёрными и грубыми от вечной работы и больше походили на подошву старого сапога. Очень хотелось спать. С наступлением зимы перестало хватать и еды. Только забота о раненых

согревала сердце, ночи напролет я вязала варежки, носки да шапки. Старалась делать, как можно больше, поэтому красотой варежки не отличались, но грели. Грели руки солдата и моё сердце тоже. Зимними вечерами в избе меня иногда охватывал страх за Николая. А вдруг?... Я отгоняла дурные мысли, стараясь нагрузить себя работой. Вскоре начали приходиться первые похороны... Когда женским криком взрывался очередной дом, мы понимали, что в него пришло страшное горе; война словно ставила кровью кресты на этих домах. К лету сорок второго невосполнимую боль утраты узнала половина нашей деревни. Мы ничего не говорили овдовевшим женщинам, потому что иногда одного взгляда было достаточно, чтобы выразить всю свою боль и сочувствие. Каждое утро, словно убитые,

Валентина Афанасьевна Рогожникова

мы шли на поле, работали до самой ночи, а возвращаясь, садились за вязку. Многие падали от усталости прямо на поле, некоторые - замертво. Проклятая война! Горячие слёзы лились из моих глаз, но я быстро смахивала их платком. «Возвращайся, Николай! Возвращайся!» Когда случалось, что освобождались рано, с девчатами летели в лес, за грибами, за ягодами. Лес всегда был другом деревенского человека, но во время войны он стал нашим кормильцем. Всё, что мы собирали, увозили на фронт. Муки себе не оставляли совсем, всё отдавали на

фронт, девчонки наши додумались лепить пироги из травы! Вкус, конечно, не тот, но брезговать не приходилось. Жили впроголодь... Односельчане всё шутили: «Валентина, одной травой питаешься, а щёки румяные, хоть прикуривай!» А розовощёкая я в маму... Весной сорок третьего привезли раненого соседа. Без ноги. Я, сломя голову, помчалась к нему. «Может, слышно что о моём окаянном?» - стараясь не выдавать тревоги, нетерпеливо спросила я. Он ухмыльнулся и поправил пилюлю. «Жив Николай твой, жив. Нас же в одну часть определили-то. Мне, когда ногу-то оторвало, он меня к нашим и оттащил. Говорил, мол, коли комиссуют, браток, передай моим привет. Вот, передаю!» С самого начала войны я впервые вдохнула и выдохнула полной грудью. С моих плеч упала наконец эта тяжёлая ноша беспокойства и нескончаемой тревоги. Так весь день улыбка не покидала моих губ. Вечером прибежал Алёшка, сын вернувшегося соседа, шепнул: «Мамка зовёт». Накинув платок, я бросилась к их избе. Изба полна народу, и пьяненький сосед тихим голосом рассказывал о том, что пришлось ему пережить, не слышно было ни одного звука, только хриплый голос соседа: «Нас перебросили на Западный фронт. Задача проста. Смоленск должен быть нашим. Много нас тогда нагнали. Мы с Николаем старались держаться неподалеку. Пятого ноября 1942 началось наступление, мы не имели права больше отступать. Мы, шаг за шагом, отбивали у немца русскую землю. Так прошло три месяца. Зима, надо вам сказать, бабоньки, суровая. В феврале 1942 оказались на подступах к деревеньке Захаровка; впереди мост, на первый взгляд, оставленный немцами, а за мостом можно было закрепиться на новых рубежах. Нас пятерых (мы были покрепче и поздоровее) отправили вперед на разведку. Как стемнело, мы выступили. Мелкими перебежками мы продвигались к дальнему берегу, и вдруг... Выстрелы! Один, второй, третий... Двое наших упали. Мы бросились к ним. Николай тихо шепнул: «Мы их заберем на обратном пути, надо идти». А

фрицы, забыв о страхе, вышли впятером навстречу с автоматами наперевес. Я глянул на Николая, он сложил оружие, кивнул и стал подниматься во весь рост. Немцы подходили к нам, абсолютно уверенные, что схватили трех партизан, ухмыляясь, но ближе метра подойти не решились даже с оружием. Мы с Николаем вместе в кузнице работали, знали и понимали любое движение друг друга: что уж говорить, сподручно нам вместе. Я уловил его взгляд и кивок: не буду хвастать, как мы, три двухметровых мужика, влекую уложили пятерых растерявшихся немцев без единого выстрела, но им на подмогу спешили новые фашисты. Мы, собрав все автоматы, стали отступать. По нам открыли огонь, да еще какой! Третьего нашего Сергея из Твери мы не уберegli; видел, что Николай как-то неловко отшатнулся. Я и не понял, что произошло, и в эту минуту страшная боль обожгла ногу – я вскрикнул, Николай одной рукой поволок меня к нашим, периодически отстреливаясь. Добравшись, он снова вернулся на мост, и через 40 минут дотащил оставленных убитых солдат. Позднее оказалось, что Николаю перебило левую руку...» В эту секунду земля уходила из-под моих ног. Но я держалась, я должна знать всё! «Нас переправили в госпиталь. А мост наш взяли: конечно же, взяли! А Николаю я слово дал: ни слова никому ни о бое, ни о ранении, но вы, бабы, и мертвого разговаривайте! Я еще лежал в госпитале, когда Николаю после шумных «уговоров» всё-таки разрешили вернуться на передовую». Это был единственный рассказ о войне и Николае, больше я ни разу и нигде не услышала рассказов о войне и её Николае. А тогда каждый новый день был горше прежнего, но эта маленькая восточка вдохнула в меня новую силу. Да и работать стало как-то легче. А когда от Николая пришло первое письмо... Ох, что со мною было! Как ликовало моё сердце! Я перечитывала его каждое утро! И каждое утро бранила его за то, что он такой немногословный. Пару слов о войне, пару слов о товарищах, пару слов о боях, а о себе ни-че-го! А мне – спокойся за его

кудрявую голову! В своих письмах говорила ему о деревне, как живём-работаем, кто живой, кто – нет... А о себе ни слова, пусть помучается! Никогда бы я не подумала, что буду жить от письма до письма. Приходилось трудиться за троих, да ещё кто послабее, тем помогать. Я перестала чувствовать боль от вечной работы. Руки привыкли к тяжёлому труду, а сердце – к волнениям и тревогам. Я плакала с женщинами, потерявшими детей, мужей, отцов, пела перед больными и ранеными и бегала в лес с девочками, а по ночам, как и все люди нашей огромной страны, я молилась за победу. За тех, кто на фронте, за тех, кто в тылу, за тех, кого забрала война... Так пронеслись четыре самых долгих в жизни года. Босые чумазные мальчишки бежали по траве и разносили самую радостную и долгожданную весть! ПОБЕДА! Люди бросали молоты, топоры, мешки и кричали, и плакали! Это был не тот крик, который железной болью пронзал деревню и не те слёзы, которые сжимали сердце от невыносимой скорби и печали. Это были крик и слёзы радости, огромного счастья всей страны, моей многострадальной Родины, великое счастье всей страны, всей моей Родины, всего моего народа! Но... Николай...»

Деревня потихоньку начала восстанавливаться. Бабушка не получала больше писем, но маленький огонёк надежды всё ещё жёг её сердце. Она верила, что он вернётся...

«По домам, мужики», – сказал ротный. «Так точно!» – ответил я, опустил голову и невольно улыбнулся. Сколько я ждал, когда мне скажут это! Сколько мне уже снится она... Валентина... Как хочется увидеть её, обнять! Всю войну только мысли о ней согревали моё сердце, потому что именно последний год был самым страшным, самым жестоким... Я начинал свой боевой путь с Ленинградского фронта, пока в бою под Смоленском, уже будучи на Западном фронте, не был тяжело ранен в феврале 1942 года. Она никогда не узнает об этом. Меня хотели комиссовать как ограниченно годного, но это не моя

Николай Иванович Рогожников

история, я ни за какие коврижки не вернусь к Ней без победы. И меня перевели в 249 Отдельный Ремонтно-Восстановительный батальон слесарем. Я еще послужу фронту! Потом были отремонтированные мосты и восстановленная техника. Я не боялся фашистов в силу физических данных: я был выше многих из них почти на голову. Не думал я, что настоящий ад начнется уже после объявления победы. Мы шли по полю, по колено в крови и останках убитых, искали жетоны, военные билеты или любые другие предметы, по которым можно определить личность солдата. Их тела изуродованы, глаза пусты, на лицах многих застыла гримаса ужаса. Как сказать матери этого солдата, что он, заваленный другими безжизненными телами, не вернется? Он не поднимется, не придет домой, не обнимет седую маму и не улыбнется ей. Потому что он лежит здесь с простреленным насквозь сердцем, которое он отдал за Родину. Разве смерти ждут от нас женщины? Но как объяснить им: матерям, жёнам, что лучше я, мужчина, встану здесь железною стеной и буду стоять насмерть, чтобы враг не смог дойти до нашего дома и обидеть любимую? Какой силы должна быть любовь человека, чтобы он совершал такие подвиги?! Только русский мужчина может так любить! Какой силы должна быть любовь женщины, чтобы ждать бесконечно долго, чтобы не спать днями напролёт и работать без усталости!

Это любовь, невиданная больше нигде на всём белом свете! Но любит ли меня она? Та, что стала моей женой поневоле...»

Он зашёл в знакомую до боли избу. Ступив на порог, чувствовал запах свежего хлеба и только что истопленной печки. Он так торопился домой, к ней, что теперь, в полушаге от неё, не мог сдвинуться с места. Мягкий свет, проходящий сквозь резные оконца, касался деревянного пола, в комнате было, как всегда, чисто и свежо. На печи, на противне лежали сухари, издававшие запах, знакомый с детства. За печкой была крохотная кухня, там он и увидел её, Валентину. Она стояла спиной в простеньком ситцевом платице, и толстая русая коса, которая стала ещё длиннее за пять лет, лежала на её спине. Она стряпала постные ватрушки. О, её ватрушки были самыми вкусными во всём свете! Как хотелось ему навсегда запечатлеть её именно такой и именно в этот момент! Под его ногой предательски скрипнула половица, и она обернулась. Лицо её, запачканное мукой, вытянулось от удивления: она раскрыла глаза и высоко подняла брови, закрывши рот руками. За всё это время он видел её только во сне, а сейчас, когда видит наяву, его сердце разрывается от долгожданного счастья:

– Здравствуй! Валенти...

Девушка бросилась на шею солдату и начала целовать его лицо: губы, глаза, брови, нос, подбородок... «Вернулся! Какое счастье! Мой Герой вернулся!» – вились мысли вокруг неё. «Любит! Она меня любит!» – пронеслось в его голове, и это была правда. Ах, сколько вопросов они хотели друг другу задать, но всё это ушло на второй план. Он крепко-крепко прижал её маленькое, худенькое тело, которое в его руках, казалось, стало только уже, и пообещал себе, что больше её не отпустит.

Она лежала на мягкой траве и слушала лес. Она улыбалась, потому что знала один секрет, знала, что такое счастье. Она была простой деревенской девушкой, телятницей в колхозе, её муж был достойным человеком и героем для своих детей, они воспитывали их как сильных и

достойных людей. Она обязательно научит их по-настоящему любить, чтобы они тоже узнали этот секрет. Всех восьмерых! А как же иначе? Облака убаюкивали её плавным бегом, она ведь сегодня весь день на ногах! Глаза медленно слипались, и она провалилась в сон...

Мамин голос вернул меня в реальность. Я утёрла заплаканное лицо, осмотрелась, и узнала знакомый пейзаж. Здесь – моё место силы, силы моего рода! Я почувствовала небывалый прилив сил и энергии, которые могла дать, наверное, только эта земля и только это место. Теперь я уже не сомневалась, в том, что мои прабабушка и прадедушка – герои. Не знаю, кто из них больший герой войны, хрупкая 19-летняя девчушка, работавшая, как десяток мужиков всю войну, или бесстрашный солдат – настоящий русский богатырь, мужчина с большой буквы, который так и не расскажет внукам ни одной истории о войне за 80 лет своей жизни... Который не надевал ордена, потому что они прожигают насквозь болью его суровое сердце. Они – мои Герои, оба! Они совершили ратный и трудовой подвиги, сделав, казалось, невозможное, и принесли долгожданную Победу... Уверенная, я направилась в сторону дома, бережно укрыв в сердце один секрет. О нём шумят в лесу деревья, и о нём шепчет ветер. Его я расскажу маме, а она улыбнется и скажет, что это вовсе не секрет: войну победила Любовь!!! Великая, всеобъемлющая и всепрощающая любовь к Родине, к женщине, к жизни! И пока я буду жить, я обязательно буду счастлива, и в моём сердце всегда будет место для памяти о моих Героях. Моей семье.

*Жди меня, и я вернусь. Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть жёлтые дожди...
Жди, когда из дальних мест писем не придет,
Жди, когда уж надоест всем, кто вместе ждёт.
Не понять, не ждавшим им, как среди огня
Ожиданием своим ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать, как никто другой.*

Константин Симонов

ДОРОГА ЖИЗНИ И СУДЬБЫ

Автор: Душина София Алексеевна, 17 лет
КОГОВУ «Средняя школа пгт Свеча»

...Худенький невысокий парнишка стоял у кромки огромной полыньи и с ужасом смотрел, как исчезает в чёрной бездне его «полупортка» с бесценным грузом. Промокший насквозь бушлат уже покрылся ледяной коркой, но холода Лёня не чувствовал, потрясённый случившимся. Как заклинивание, шептал он помертвевшими губами слова таблички у спуска на лед: «Каждая полупортковая машина везет продовольствие на 10 тыс. пайков, на 10 тыс. человек. Водитель, спасай эти жизни!» Водителю было 19 лет. Когда началась бомбёжка, он по неопытности спрятался под машину, но чудом остался жив.

Какая-то незримая сила хранила Леонида Васильевича Бусыгина на трудных фронтовых дорогах. В 1942 году молодой механик из села Ивановское Свечинского района ушёл на фронт. Служил на Балтийском флоте мотористом торпедного катера. Катер этот он с товарищами восстановил практически из ничего. Золотые руки и талант изобретателя делали Леонида Васильевича незаменимым человеком! Ещё до войны он своими руками собрал фотоаппарат, детекторный радиоприёмник. В селе были перебои с электричеством, но Леонид Васильевич при помощи ветряка и автомобильного генератора решил проблему, и «Лампочка Ильича» в его доме не гасла никогда... Вот и катер, подлежавший списанию, был снова готов к бою! Этот бой стал последним почти для всего экипажа. Катер подорвался на mine. Уцелели лишь два матроса и моторист. Взрывной волной Леонида Васильевича выбросило за борт, его заметили и подобрали моряки соседнего катера.

После госпиталя моторист Бусыгин

был списан на берег, в автобат. Так он оказался на Дороге жизни...

...Вторые сутки метёт, в двух метрах ничего не видно. Но свой маршрут по льду Ладоги Лёня знает, что называется, с закрытыми глазами. Сегодня он везёт снаряды в осаждённый Ленинград. По инструкции смотреть нужно только вперёд, строго соблюдая установленную скорость и дистанцию. Сегодня не бомбят, но вдруг соседняя машина, словно споткнувшись, накренилась и стала уходить под лёд. «Ловушка!» – понял Лёня. Вражеские снаряды оставляли воронки, которые быстро покрывались льдом и снегом. Регулировщики не успевали отметить каждую такую ловушку. Но останавливаться нельзя ни на минуту! Обогнув опасное место, молодой водитель едет дальше. «За жизнь, за Родину, за Ленинград!» – это стало смыслом и целью всех на этой дороге, «страшней и радостней» которой не было и нет. Вот и берег. Но отдыхать некогда: едва успев выгрузить боеприпасы, Лёня торопится к причалу, где ждали его ослабевшие от голода ленинградские дети. Сердце сжималось от боли, когда он подсаживал их, почти невесомых, молчаливых с прозрачными лицами и не по-детски серьёзными глазами, в кузов своей «полупортки». Везти такой груз в тысячу раз сложнее. Ты – последняя надежда этих видевших смерть детей. Надежда на жизнь. И ошибиться тебе нельзя...

...Был на Дороге жизни такой плакат: «Водитель, помни! Каждые два рейса обеспечивают 10500 ленинградских жителей. Борись за два рейса!» Боролись. По прошествии времени Леониду Васильевичу самому не верилось, что мог неделями практически не спать. За

сутки по Ладожскому озеру проходило до шести тысяч машин. В коротких перерывах между рейсами Лёня проваливался в сон прямо в машине, уронив голову на руль. Обычно снился дом. Речка Быстрая, сосны на высоком берегу, вспаханное и только что засеянное поле. Или колхозный ток. Кучи тёплого, налитанного солнцем зерна, загорелые девушки, весело и ловко управлявшиеся с привычной работой. И среди них одна с необычным для деревни именем Венера. Хотелось остаться в этом сне как можно дольше, но дорога домой тоже шла через ладожский лёд...

В это нелёгкое военное время Леонид Васильевич каким-то непостижимым образом ещё успевал заниматься изобретательством. За два рацпредложения двадцатилетний водитель получил премию. Первое позволяло использовать для двигателей отечественных автомобилей керосин вместо дефицитного в Ленинграде бензина. А приспособление для заливки в полевых условиях шатунов американских машин сделал своими руками.

За годы войны через руки Леонида Васильевича прошло множество советских и трофейных автомобилей. И каждый он мог не только починить, но и усовершенствовать.

После прорыва блокады Ленинграда

Бусыгин Леонид Васильевич
(1924–2016г.г.)

путь фронтового шофёра продолжался. Путь к Победе. Службу он закончил в 1946 году в Берлине. Вернулся домой. Женится на девушке Венере. Стал учителем. Преподавал физику и сельхозмашины, вел технические кружки для школьников, сам занимался оборудованием учебных классов, мастерских, организовал школьный радиоузел. Всем, кому довелось у него учиться, вспоминают Леонида Васильевича с уважением и благодарностью. Ездил он исключительно на раритетной «Победе» собственной сборки. Со всего поселка люди приезжали и приходили к Леониду Васильевичу ремонтировать технику: телевизоры, мотоциклы, автомобили.

Сын вырос и пошел по стопам отца. Сергей Леонидович Бусыгин стал одним из лучших Кировских автогонщиков и отличным механиком. Он сам конструирует спортивные автомобили и готовит их к соревнованиям.

До конца жизни Леонид Васильевич Бусыгин оставался энергичным, активным, отзывчивым человеком. Рассказывая о своей встрече с Леонидом Утёсовым, которого он вёз на концерт и получил билет из рук знаменитого певца, Леонид Васильевич всегда напевал любимую песню, «Песенку фронтового шофёра». Озорно подмигнув, с особым выражением пел строчку: «Помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела!»

Легендарная Дорога жизни навсегда пересеклась с дорогой его собственной жизни и судьбы. Дала бесценный опыт. Научила ценить жизнь во всех её проявлениях. А из боевых наград самыми дорогими Леонид Васильевич Бусыгин считал медаль «За оборону Ленинграда» и знак «Дорога жизни».

...А в последние годы снилась эта дорога. И видел он вновь ту страшную чёрную полынью, поглотившую его «полупортку», и себя, девятнадцатилетнего мальчишку, с ужасом смотревшего в эту бездну. Только во сне машина чудесным образом всплывала, и он ехал дальше, счастливый от того, что десять тысяч жизней будут спасены...

ПОДВИГ ГЕРОЕВ

Автор: Газинов Магомед Ерагиевич, 14 лет

МОКУ средняя общеобразовательная школа с.Черновское Шабалинского района Кировской области

Зима... За окном идёт белый, пушистый снег, и одинокие прохожие торопятся быстрее попасть домой. Всё-таки холодное это время года, и так хочется вернуть лето с его тёплым, ласковым солнышком. Но ничего изменить и вернуть мы не можем. Остаётся нам наслаждаться уютом и теплом родного дома. А ещё, конечно же, общаться с самыми родными и близкими людьми.

В один из таких зимних длинных вечеров мы наводили порядок на книжных полках и наткнулись на старый, в кожаном переплёте, семейный альбом. Я с волнением открыл его и увидел чёрно-белые пожелтевшие фотографии.

Стало понятно, что это военный альбом моего прадедушки по маминной линии – Джабраила Дабиевича Картоева. Мне захотелось быстрее показать обнаруженный фотоальбом дедушке...

– Дедушка, посмотри, что я нашёл! Это же альбом твоего отца! – выпалил я.

– Ну, надо же, какая радость! – воскликнул дедушка.

– Расскажи мне, дед, об этом brave солдате, о его друзьях-товарищах. Ведь я ничего не знаю, никто мне ещё ничего не говорил о нём!

Мы устроились с ним на мягком диванчике у камина, мама принесла чай с печеньем. И начался наш вечер воспоминаний. За окном шумел ветер, снежинки пролетали около окна, в саду, а мне было так уютно, спокойно рядом с дедом.

Первая страница альбома. Я смотрю на прадеда. Статный, крепкий красивый мужчина в военной форме с наградами на

груди. Копна густых волос под пилоткой, спокойный умный взгляд. Так вот ты какой, мой прадед. Да ты герой, раз на груди у тебя столько наград! И дедушка начал мне рассказывать о Джабраиле.

Родился он в 1907 году в селении Барсуки (Крепость) Назрановского округа Терской области. С 1918 по 1923 годы обучается в 5-классной сельской школе в Назрани, а в 1927 году успешно оканчивает среднюю школу во Владикавказе. В мае 1928 года 21-летний Джабраил назначается на ответственную должность – начальника УГРО Веденского округа. В октябре 1929 года его зачисляют красноармейцем в кавалерийский полк имени С. Орджоникидзе во Владикавказе. С 1931 по 1933 годы военнотрудовой Картеев одновременно со службой работает в уголовном розыске Ингушского областного Управления рабоче-крестьянской милиции в должности помощника начальника политической инспекции. В марте 1933 года его переводят в ст. Лазоревскую Азово-Черноморского края и назначают начальником оперативного отдела (Уголовного розыска) РКМ Шапсугии. Джабраил успел проработать в этой должности около года.

С 1940 года по февраль 1941 года он уже в должности директора Химического завода в городе Грозном. В этот же период Джабраил заканчивает философский факультет университета марксизма – ленинизма в Грозном. С формированием национальной 114-й Чечено-Ингушской Кавалерийской дивизии он был назначен старшим инструктором по организационно-партийной работе политического отдела дивизии, а в марте 1942 года Джабраила Картеева назначают военным комиссаром

штаба 115-й отдельной национальной (Кабардино-Балкарской) кавалерийской дивизии с присвоением звания старший политрук. В её составе Джабраил воевал на Сталинградском фронте до октября 1942 года. Затем Джабраила переводят в 561-й полк 91-й стрелковой дивизии, в составе которой он воюет до марта 1943 года, сначала в должности помощника начальника штаба по разведке, а затем начальника штаба полка. С марта по август 1943 года, воюя на Южном фронте в составе 51-й армии, он проходит обучение на курсах «Выстрел».

В январе 1946 года бывший начальник разведывательного отдела штаба 13-го гвардейского Кенигсбергского корпуса, гвардии подполковник Картеев Джабраил Дабиевич увольняется в запас и переводится в распоряжение Наркомата химической промышленности СССР.

В 1981 году, когда маме не было года, прадеда не стало. Своему сыну, моему деду, Джабраил рассказывал, что все мужчины на любой войне боятся двух вещей: остаться без ног, без рук или попасть в плен. Прадед рассказывал моему деду об одной страшной бомбёжке и миномётном обстреле, когда он вместе с однополчанами встал во весь рост навстречу строю фашистов и, переборов страх, схватился с ним в рукопашном бою. Ранило прадеда в том бою, и ещё не раз метили пули и осколки его на протяжении войны. До госпиталя дело не доходило, потому что

Картеев Джабраил Дабиевич

Джабраил был крепким, выносливым и храбрым солдатом. Не любил он хвастаться своими подвигами. Много повидал прадедушка: смерть друзей, бесстрашие и мужество наших солдат и офицеров. Есть в этом альбоме одно общее фото, на котором прадед стоит с грустными глазами у обелиска на братской могиле солдат-однопольчан.

Они навсегда остались в памяти прадеда молодыми – мужественными героями великой войны...

Памятники жертвам войны и героям Победы. Их много у нас в стране и в разных концах мира. Я ещё раз перечитываю военный альбом моего прадеда, и мне кажется, что я слышу, как в тишине ночей каменными и бронзовыми голосами они ведут строгую и торжественную беседу между собой, переключку Славы, Скорби и Горести.

Родина-мать неотрывно смотрит на надгробия павших своих детей в тишине Пискаревского братского кладбища.

Гигантские лики солдат, переломивших ход войны в сражении на Волге, словно прорастают сквозь склоны степного Мамаева Кургана над ширью великой русской реки. Я был здесь, в Волгограде, поклонился памяти героев. Сквозь шум и биение торжествующей жизни до меня доходит хор голосов героев прошлой войны, напоминающей нам, потомкам, о цене той Победы.

Идёт время, но не меркнут в человеческой памяти годы войны, величие нашей Победы над немецким фашизмом. Никому и никогда не сумею переписать по-своему историю, присвоить Победу моего народа себе, переоценить её значение в мире.

Миллионы мужчин, парней, женщин моей многонациональной Родины приняли смерть, ясно осознавая, что, как бы ни была дорога для них жизнь, судьба Родины несравненно дороже.

Джабраил Картеев. Я горжусь им, а когда у меня будут дети, расскажу им о славной судьбе моего прадеда. Почти

не осталось в живых тех, кто вставал на защиту Родины в те годы. Они не напомним теперь, но мы-то, живые, понимаем, как нам нужно знать о них по возможности больше. Помнить о героях – долг всех ныне живущих!

Мой прадед прошёл всю войну, вернулся с фронта в 1946 году и стал добросовестно трудиться на благо Родины. И это хорошо, ведь если бы он погиб, не было бы моего деда, мамы, меня. Некому было бы рассказать нам, потомкам Джабраила, о том времени.

Я учусь в 8 классе Черновской школы,

пишу стихи о войне. В 2016 году на областном конкурсе «Воинская слава» стал лауреатом, в этом году – дипломантом. Мои стихи о ветеранах, ныне живущих, о солдатах – героях той страшной войны, которые не пришли с поля боя...

*Мой прадед был на той войне,
Война теперь живёт во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня...
Вам, герои, низкий поклон!
Всем, кто страшной войной опалён!
Светлая память навишим!
Честь и Слава ныне живым!*

ВЕЛИКИЙ ВОИН

Автор: Едигарева Александра Николаевна, 15 лет

МКОУ средняя общеобразовательная школа с. Всехсвятское Белохолуницкого района Кировской области

Весна 2017 года выдалась без яркого цветения тюльпанов, серая, холодная, солнечных дней было очень мало, майские праздники проводили дома, без суеты в огороде: там ещё нечего было делать.

В день Победы 9 мая с утра шел морозящий холодный дождь, к памятнику Погибшим воинам шли всей школой, зонтиками прикрывая себя и фотографии прадедов. Население села было немногочисленно. Из-за стука дождя по куртке и куполу зонтика выступающих на митинге было плохо слышно. Всё стандартно: стихи, песни - привычно и банально, через час всё закончилось, и все разошлись по домам.

Дома, отогрившись горячим чаем и ароматными ватрушками, прилегла на диван, решила, что остаток дня проведу у телевизора, посмотрев пару-другую старых фильмов.

Зазвонил телефон, мама взяла трубку, ответила, что через 10 минут они с папой выходят. Я догадалась, что это позвонил

дед – как всегда, 9 мая они ходят на сельское кладбище, чтобы навестить могилу прадеда. Через несколько минут родители ушли, в доме стало тихо, но на душе было очень грустно: что-то «глодало» меня изнутри и я чувствовала себя виноватой.

За окном послышался скрип колёс - приехал мамин двоюродный брат и моя сестра Лена с цветами, георгиевской ленточкой на воротничке рубашки и яркими трехцветными шарами.

– Александра, ты почему дома? Собирайся, поедешь с нами! – звонкий голос сестры прозвучал для меня, как звук будильника, пробудивший от сна.

Машина проехала через село, вдоль пруда и повернула на Всехсвятское кладбище, там было очень оживлённо: жители и гости села всеми семьями окружили обелиски своих родственников.

Рядом со мной на скамейку присел дед Николай Александрович, прищурив синие глаза, обнял меня за плечи, спросил:

– Не замёрзла, внученька?

Я ответила, что есть немного.

– Сейчас солнышко выглядывает. Когда сюда прихожу, оно всегда появляется! Видишь, сколько людей пришло навестить своих родных, и у каждой семьи своя история за плечами есть.

– А у нашей семьи есть?

– И у нашей есть, – шепотом ответил дед, помолчал, тяжело вздохнул и неспешно начал свой рассказ:

– Мой отец Адеков Александр Трофимович родился 25 июля 1906 года в деревне Заднее Слободского уезда Федосеевской волости. Имел 4 класса образования. В августе 1941 года он был призван на Великую Отечественную войну, ему исполнилось 35 лет.

Отец рассказывал, как тяжело было осенью 41-ого: «Германская армия очень хотела захватить Москву. Немцы шли стеной... Им не было ни конца, ни края... Из окопа нельзя было поднять руки... От залпов и выстрелов не было видно ни неба, ни земли».

В этом бою Александр Трофимович был ранен и отправлен лечиться в госпиталь. За участие в героической обороне Москвы он награждён медалью «За оборону Москвы». Награда была вручена ему через 3 года – 18 сентября 1944.

После лечения в госпитале получил отпуск. От города Слободского до своей деревни он шёл пешком... Пришел и увидел, что дома нечего есть. Жена и дети сильно ослабли от голода. Утром он сходил в сельский совет, и ему выдали мешок ячменя, это спасло семью от голодной смерти.

Уходя обратно на фронт, он оставил своей жене сапоги, а сам сплёл лапти и снова пошёл защищать Родину.

Вначале попал в учебный лагерь для пехоты в Гороховце. Сейчас это Нижегородская область. Здесь формировали части и соединения, которые потом отправляли на фронт. Проводились испытания танков и артиллерийских

Адеков Александр Трофимович

систем. Красноармеец Адеков А. Т. был назначен линейным надсмотрщиком 1063 отделения кабельно-шестовой роты 4 танковой армии. Войска связи обеспечивали бесперебойную работу телефонной связи, которая была очень значима во время войны. Зная точное расположение войск, командование по связи руководило целыми армиями.

Затем была Курская дуга. Развернувшиеся на Курской дуге танковые сражения не имели себе равных за всё время минувшей войны.

Позже отец вспоминал: «После сражения поля были усыпаны танками. Началось контрнаступление советских войск. Но наши потери были очень велики...».

В 1944 году участвовал в освобождении западной Украины и Польши. Перейдя границу Советского союза, наши солдаты голодали, так как продовольствия не хватало.

«Очень захотелось испеченного хлеба, – вспоминал отец. – Нашли муки, замесили тесто и испекли хлеб, а поесть его не смогли, он был твердый, как кирпич, потому что дрожжей не положили, их просто не нашли...».

В январе 1945 года в составе 1 Украинского фронта отец перешёл реку Одер (Германия).

«Налаживая связь, – вспоминал отец, – в воронке от снаряда увидел раненого

молодого немца, он смотрел на меня жалобным щенячьим взглядом, я сделал вид, что его не заметил и прошёл мимо».

После войны не раз задумывался: как сложилась судьба у этого немца.

Я возмутилась:

– Как?! Так он же враг!

– Понимаешь, внука, этому юноше было лет 15, как тебе сейчас, и вряд ли он пошёл воевать по своей воле. Пусть живет и помнит русского воина! Воевать - это не только стрелять во всех подряд, нужно думать и проявлять милосердие!

А ты знаешь, внука, что фамилия Адеков, переводится как «ВЕЛИКИЙ ВОИН», и твой прадед достоин этого звания. Тебя называли Александрой в его честь!

Оглядевшись вокруг, я поняла, что моя сестра, родители, родственники с вниманием слушают рассказ о судьбе Александра Трофимовича.

- Дед, расскажи ещё! – присев на лавочку с другой стороны, жалобно попросила моя сестра Лена.

Дед перевел дыхание, откашлялся и продолжил:

- Весной сорок пятого отец оказался в Берлине, но их части перебросили освобождать город Прагу. Чехи приветствовали, ликовали, радовались, когда русские солдаты шли по улицам Праги.

Ваш прадед, внушеньки, в мирной

жизни был портным. Узнав об этом, командир приказал ему шить бойцам обмундирование. Советский солдат, герой, победитель, должен вернуться домой в новой одежде!

9 октября 1945 года гвардии рядовой Адеков А. Т. был демобилизован. Дома его ждали жена и двое детей (не все их дети выжили в войну).

Моя мама, Клавдия Михайловна, приехала встречать мужа на лошади в Белую Холуницу. После войны у них родилось ещё двое детей, один из которых я.

Перед смертью отец завещал мне каждый год обязательно в этот великий праздник приходить на его могилу, вспоминать о страшных днях нашего народа!

С 1995 года это традиция в нашей семье, я выполнил наказ своего отца и вас прошу не нарушать и передать из поколения в поколение данную традицию.

После рассказа деда все мои девичьи проблемы, ссоры с подругами показались мне такой ерундой, а взгляд прадеда с обелиска стал совсем другим, близким, добрым и родным. Ещё недавно война казалась такой далёкой – теперь я думаю по-другому и по-другому бьётся моё сердце.

Жизнь человека коротка, но память человеческая намного длиннее. Вот только, чтобы её сохранить, нужно постараться! Сама она живой остаться никак не может.

прабабушка держит свою вторую дочку Валю на руках. А тут девочка уже стоит со старшей сестрой Шурой. На этой фотографии – моя бабушка Валентина со своим классом на выставке картин местных художников в музее. А здесь она выступает в хоре вместе с дедушкой, на голове которого смешной картуз с цветком... Но тут мое внимание привлекает один пожелтевший от времени снимок. На нем запечатлен улыбающийся мужчина лет тридцати с двумя сослуживцами. В своих запыленных пилотках и военной форме они остановились в тени под кронами больших деревьев, чтобы отдохнуть после дальнего пути. Чуть ниже фотографии надпись, выведенная аккуратным почерком бабушки: «Мой отец Распутин Алексей Афанасьевич с боевыми товарищами 263 Сивашской стрелковой дивизии. Военные годы.» Тут я решила расспросить своих родственников о прадеде, и вот что мне удалось узнать.

Алексей Афанасьевич Распутин родился в деревне Слуда Подосиновского района Кировской области. Закончив четыре класса, стал работать в колхозе, а в возрасте двадцати одного года был призван в сто первый артиллерийский полк наводчиком орудия. После службы в армии прадед был председателем Лермонтовского сельсовета. Через некоторое время он завербовался на работу в город Красноборск Архангельской области. Туда Алексей Афанасьевич переехал вместе с женой Анной. В феврале 1941 года у них родилась дочка Александра, а уже в июле прадед был призван на фронт Красноборским РВК Архангельской области.

Его боевой путь в составе 263 стрелковой Сивашской дивизии пролегал от Карельского перешейка. Продвигаясь в южном направлении, с тяжелыми боями бойцы прорывались в Крым. Для того чтобы выйти на позиции, дивизия должна была преодолеть залив Сиваш. Уже в послевоенное время прадед рассказывал, как это происходило. Было решено форсировать залив во время отлива,

чтобы на лошадях переправить орудия на другой берег. Но так получилось, что животные вязли в иле, который скопился на дне, и не могли тащить артиллерийские

Распутин Алексей Афанасьевич

установки. Тогда солдаты выпрягали их и переносили орудия на своих руках. После перехода через залив перед войсками была поставлена задача освободить город Севастополь от немецких захватчиков. На направлении главного удара возвышалась Сапун-гора: 231 метр над уровнем моря. Крутые каменные склоны, отвесные скалы до трех и более метров служили не только естественными препятствиями. Они давали возможность противнику создать несколько ярусов огневых сооружений, опорных и огневых узлов. Кроме густой сети траншей и проволочных заграждений на склоне было много железобетонных укрытий и блиндажей. Страшные и напряженные бои развернулись на Сапун-горе! Вся земля была перепахана снарядами, минами, на каждый метр приходилось десятки килограммов смертоносного металла. Хотя враг яростно сопротивлялся, ценой своей жизни и крови бойцы отвоевывали укрепление за укреплением. Каждый шаг

ВETERАН СИВАШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ

Автор: Нагибина Юлия Александровна, 15 лет
КОГБУ СШ пгт Подосиновец

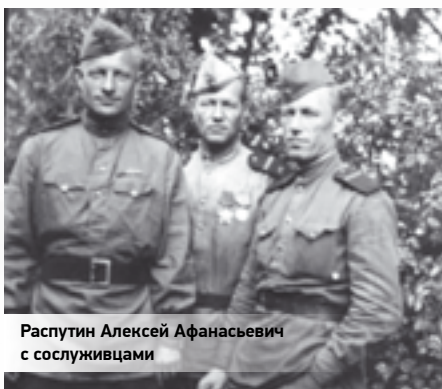
Пересматривая страницы бабушкиного семейного фотоальбома, я словно мысленно переношусь в годы юности своих родственников. Вот моя

солдата, идущего на штурм, был подвигом. Сквозь огненный шквал пробивались наши части к неприступной вершине. И артиллеристы оказали им неоценимую поддержку.

9 мая 1944 года Севастополь был освобожден. Многие воины получили заслуженные награды за взятие города, в том числе и четырнадцать бойцов 263 Сивашской стрелковой дивизии стали Героями Советского Союза.

С тяжелыми боями мой прадед вместе с боевыми товарищами прошел от Крыма до Прибалтики. Значимую поддержку артиллерия оказала советским воинам и в сражениях за взятие Кенигсберга. К тому времени немецко-фашистское командование хорошо подготовило город к длительной обороне. Непросто было нашим бойцам захватить эту крепость. Ведь в городе имелись многочисленные подземные заводы, арсеналы, склады, а система обороны состояла из внешнего оборонительного обвода и трех позиций. Численность советских и немецких войск была примерно одинаковой, но наша армия превосходила противника в артиллерии и танках. Как ни старались гитлеровцы удерживать Кенигсберг в своих руках, им не удалось отразить бесстрашных атак наших мужественных солдат. 9 апреля 1945 город был очищен от немецко-фашистских захватчиков. Дальнейший путь пролегал через Польшу, где бойцы Сивашской стрелковой встретили Победу в городе Гданьске. Тысячи километров военных дорог прошла дивизия, в которой служил старший сержант Распутин. Но не всем воинам удалось увидеть долгожданную победу. Три раза за четыре года войны сменился оружейный расчет. Гибли боевые товарищи, а Алексей не получил ни одного ранения. После войны он рассказывал, что, наверное, его ангелом-хранителем была фотография жены, которую всю войну он носил в кармане гимнастерки. «Как я выжил, будем знать только мы с тобой...» – кажется, это о них К. Симонов написал свое стихотворение «Жди меня».

Храбро сражался мой прадед! С

Распутин Алексей Афанасьевич
с сослуживцами

орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг» вернулся он в родные края в октябре 1945 года. После завершения боевых действий многие фронтовики, отставные солдаты и офицеры стали надёжной опорой руководства нашего района в организации мирной жизни, решении задач, определённых программой развития народного хозяйства СССР на первую послевоенную и последующие пятилетки.

Многие из них сделали немало для развития экономики и культуры района. Мой прадед также относился к числу этих людей. После войны он работал директором Ленинского и Яхренгского маслозаводов, а с 1951 года десять лет возглавлял раймаслопром. До ухода на пенсию работал ещё и мастером дорожного участка.

Быстро, день за днём, пролетали послевоенные годы. Вот уже минуло три с лишним десятка лет, как советская армия прогнала немецко-фашистских захватчиков со своей земли. Однажды накануне очередного праздника Победы находящегося на заслуженном отдыхе Алексею Афанасьевичу Распутину пришло письмо от Гагаринского райкома партии Крымской области. Прадедущку приглашали на встречу ветеранов его

родной Сивашской дивизии, посвящённую 35-летию со дня освобождения города-героя Севастополя. Много рассказывал Алексей Афанасьевич своим родным после возвращения из Крыма. Конечно, сейчас это трудно передать словами. Нужно пережить самому, чтобы понять, как поблёкшие сединами ветераны смеялись и плакали при встрече, а учащиеся семнадцатой средней школы вручали им цветы. Побывали участники тех далёких сражений за Севастополь и на Сапун-горе, которая стала известна всему миру. На её вершине в память о событиях, происходивших здесь в военные годы, рядом величественным памятником Славы возвышается полукруглое здание. Там размещена диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», которую по праву можно назвать памятником подвигу советских воинов, освободивших Севастополь. Побывали участники встречи и в долине перед высотой, которая носит название «Сахарная голова». Три дня были заполнены интереснейшими мероприятиями и

запомнились прадеду на всю жизнь. На память о них Алексей Афанасьевич привёз домой значки, вручённые в торжественной обстановке: «35 лет освобождения Севастополя», «Ветерану Сивашской стрелковой дивизии», «За форсирование Сиваша», фотографии и много открыток с видами города-героя. Но главная реликвия – севастопольская земля, замурованная в гильзу от противотанкового ружья. Очень дорога она была прадедущке, но, тем не менее, он согласился передать её в дар нашему музею.

Вот уже 72 года назад пришёл на нашу землю большой и светлый день: 9 мая 1945 года залпы салюта возвестили о победе советского народа в Великой Отечественной войне. Идут годы, но не меркнет эта незабываемая дата в истории человечества. Новые поколения, не знающие войны, будут вечно благодарны ветеранам Великой Отечественной за подвиг, который они совершили во имя своей Родины.

Автор: Поляков Георгий Олегович, 14 лет

МКОУ средняя общеобразовательная школа п. Лесной Верхнекамского района Кировской области

ГЕРОИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

...Мы знаем - нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И наша будет победа.

О. Бергольц

Героическая защита Ленинграда вошла в историю нашей страны как пример величайшей стойкости, мужества и патриотизма. Битва за Ленинград велась соединёнными усилиями армии, флота и народа.

В суровые годы с мужественным городом русской славы была вся страна.

Из далекого Казахстана знаменитый поэт Джамбул Джабаев писал:

Ленинград сильнее и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.

Я горжусь, что мои родственники тоже приняли участие в битвах за Ленинград. Ведь память поколений крепка, как фронтовая дружба.

Я хочу рассказать о своих прапрадедущке Сунцове Якове Ивановиче и его младшем брате Филиппе Ивановиче.

Моего прапрадедушку призвали на фронт, когда ему было уже за сорок лет. Попал он сразу в Ленинград на трудовую оборону, но приходилось и трудиться, и рыть окопы, и отбивать атаки фашистов. Все 872 дня блокады он провел в окруженном Ленинграде (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года). В одном из боев он получил контузию и попал в госпиталь. Но после сильной контузии не мог воевать, а каждый человек был на счету. Тогда командование армии определило его на работу портным. Он занимался пошивом военной формы, которую отправляли на фронт. За это ему выдавали армейский паек, который он даже не доносил до дома, раздавая его понемногу голодным деткам блокадного города. Он считал, что им нужнее. Неописуемый голод и холод, страх обстрелов, смерть, разрушенные здания, когда бросали все и бежали в бомбоубежища - таким запомнился Якову Ивановичу блокадный Ленинград.

Прапрадед вернулся живым, вырастил троих дочерей. До конца своих дней он придерживался строгих правил: никогда не выбросил даже маленький кусочек хлеба. И, несмотря на то, что Яков Иванович прошел через тяжелые испытания войны, он сохранил культуру своей речи. Никто в деревне не слышал от него бранных слов. Он «не сломался», не потерял свою душу. С фотографии на нас смотрит добрый, улыбающийся человек, а его грудь украшают медали, которые Яков Иванович заслужил в боях за свою Родину.

После войны Яков Иванович продолжил шить одежду на людей. Люди шли к нему, делали заказы, а он шил, причем ручную, швейных машинок тогда не было. Таким нелегким трудом он обеспечивал свою немаленькую семью.

В Кирово-Чепецком краеведческом музее раньше был стенд, посвященный нашим воинам-землякам. Среди них была фотография Якова Ивановича со всеми наградами и кратким описанием его жизни и боевого пути.

Его брат Сунцов Филипп Иванович был призван уже в действующую армию,

но немного позже. Волею судьбы Филипп Иванович тоже попал в Ленинград. По профессии он был шофер, и ему предстояло перевозить больных и раненых по Ладожскому озеру («Дороге жизни») на грузовике. В одну из таких поездок наша колонна машин попала под обстрел с воздуха и машина Филиппа Ивановича затонула. Сам он выбрался из ледяной воды и каким-то чудом спасся. Далее его пересадили на другую машину, и он продолжил свой боевой путь по спасению людей.

Когда Советская армия прорвала кольцо блокады и город освободили, Филиппа Ивановича перебросили на другую горячую точку Великой Отечественной войны. Закончил он войну под Кенигсбергом, участвовал в финальной битве при падении Рейхстага. Бой был страшный и тяжелей: стреляли со всех сторон, бомбили с воздуха, давили танками. Один из снарядов попал в здание, рядом с которым находился Филипп Иванович. Здание рухнуло и его заваляло, только рука осталась торчать на поверхности. Так его и обнаружили спасатели. Он тогда получил травму позвоночника, контузию, перелом двух ребер (их удалили в госпитале). Вернулся он домой инвалидом, но с победой.

Спустя время, уже после победы, при исследовании «Дороги жизни», со дна Ладожского озера экспедиция подняла грузовик, в котором чуть не затонул Филипп Иванович. Это определили по номеру на двери машины. Тогда все решили, что водитель погиб и решили вручить медаль «За Отвагу» родственникам, но уже посмертно. Когда ее привезли, Филипп Иванович был еще жив и даже не предполагал, что награда найдет своего героя.

*Теперь мы в граните и бронзе.
Теперь мы в поэме и в прозе.
Теперь мы в безмолвье
Могильных камней.*

Вот такие отважные были у меня предки, на которых я стараюсь равняться. Я горжусь моим прапрадедушкой и его братом.

Вечная им память!

Эту историю рассказала мне моя бабушка. Она бережно хранит эти воспоминания о героях, которые будут

Автор: Самигулина Анастасия Ильдусовна, 17 лет

МОКУ Лёвинская средняя общеобразовательная школа пгт Лёвинцы Оричевского района Кировской области

ПОДВИГ ГЕРОЕВ

О чем-то своем бормотал старенький желтый самовар, на пол и потолок ложились тени тускло горевшей лампы, в углу в корзинке тихо дремал, свернувшись в клубочек, наш Пушистик, а я, устроившись поудобнее в кресле, укрывшись теплым пледом, слушала рассказы моей бабушки. И мне казалось, что из XXI века, века глобальной компьютеризации и информатизации, без всякого волшебства я начинаю путешествие в далекие для меня времена, в далекое прошлое. Катится клубочек бабушкиных мыслей, чудных сплетений слов, воспоминаний... И я окунаюсь в историю жизни моих прадедов и прабабушек.

Моей прабабушке всего 17 лет, столько же, сколько и мне сейчас. О чем она могла мечтать, живя в довоенной деревне, где

передаваться из поколения в поколение.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

трудились от зари до зари? Наверное, все-таки о женихе, ведь татарские девушки уже родительским воспитанием были нацелены на крепкий, долговечный брак. Но моя прабабушка была сиротой и, наверное, мечтала о своем доме, тепле, уюте. В силу сложившихся местных обычаев и традиций она была выкрадена в тихую летнюю ночь, когда возвращалась с вечерки. Так появилась в деревне новая семья. Прадедушка – красавец, стройный, высокий, в форме – он уже служит. Родились один за другим трое детей: две дочки и сын. Казалось, впереди даль светлая, впереди счастье безмерное, но грянула ВОЙНА! Прадедушка с войны не вернулся. Пришло извещение, что он пропал без вести. И сведений о нем нет и сейчас даже на сайте «Мемориал». Прабабушка с тремя детьми пережила все тяготы военной поры, не смогла только сберечь жизнь младшей дочери. Питались травой, ботвой, замерзшими гнилыми клубнями, воровали колосья – многие тогда в деревне поплатились за это «воровство».

Война, продолжавшаяся 4 года, наконец закончилась. От деревни к деревне распространялась радостная весть. В каждой семье радовались Победе, окончанию невероятных мучений, надеялись на улучшение жизни. И ждали своих воинов с фронта. Но возвращались немногие. Не вернулся и наш прадедушка. И женщины-вдовы да их дети стали основной «рабочей силой» в послевоенное

время. Люди и после войны работали в деревнях и селах от зари до зари, а летом и без выходных. И бесплатно, на трудодни. На заработанный трудодень осенью выдавали 100-200 граммов зерна. Кроме того, сельские жители облагались большими натуральными налогами: сдавали государству молоко, мясо, масло. Выручали свой огород и корова. Но прабабушка не могла себе позволить такую роскошь, как корова. Выручали соседи, народ добросердечный.

Намыкалась прабабушка с детьми, нахлебалась горя вдоволь, пока не пожалел ее детишек пришедший с войны фронтовик. Привел прабабушку в свой дом. Казалось бы, судьба улыбнулась. Но беды одна за другой обрушивались на людей той тяжелой поры. И голод претерпели, и горели, но сильные духом прабабушка и прадедушка поставили на ноги осиротевших детей войны: мою бабушку и ее брата.

Жизнь моего прадедушки и удивительна, и типична одновременно, как, наверное, у всех, кто жил в годы лихолетья. Высокий, стройный, молодой, он был завидным женихом, когда вернулся с войны в свою родную деревню (по крайней мере, я так предполагаю). Но он выбрал прабабушку, пожалев прежде всего ее детей.

Прадедушка был уважаемым в деревне человеком. Первым и главным плотником. Ни один житель деревни не начинал возводить новый дом, пока не сговорится с прадедушкой. Все выстроенные в ряд избы – творение рук моего прадедушки, мастера, вечного труженика, скромного жителя планеты Земля. Прадедушка с прабабушкой прожили долгую жизнь, полную и радостей, и тревог. Но, слушая рассказ бабушки, я вдруг подумала, что их жизнь могла бы коренным образом измениться, они могли бы переехать в город, получить благоустроенную по тем временам квартиру...

И тут уже начинается другая история – история моего прадедушки-фронтовика. И эту историю я хочу поведать через

письма комиссара Киевского УР моему прадедушке.

Письмо первое: «Уважаемый Мавли Габдинурович! Во-первых, выражаю свою радость по поводу того, что нашел в живых еще одного активного участника героической обороны города Киева в июле-сентябре 1941 года. Разыскиваю я их для того, чтобы узнать, вручены ли им те награды, к которым они были представлены, узнать, как живет бывший воин. Сохранилось ли у Вас в памяти, когда Вы были в должности помкомвзвода разведроты 2-й ВДБ, участвуя в бою, заметили, как немецкие солдаты пытаются окружить вашего командира взвода? Вы бросились к нему на выручку, метнули ручную гранату в немецких солдат, а когда она разорвалась, Вы устремились к месту взрыва и оставшихся в живых немцев прикончили штыком. Этим самым Вы спасли своего командира. За этот подвиг Вы были награждены медалью «За отвагу». Сообщите мне, вручена ли Вам эта награда, а также медаль «За оборону Киева». Напишите и о том, где пришлось еще сражаться с фашистами, имели ли ранения, какие имеете награды. Сообщите, как живете, какова семья, квартирные условия...»

Письмо второе: «От комиссара Евдокимова И. Ф. я узнал, что в начальный период Великой Отечественной войны Вы проходили службу во 2-ой воздушно-

десантной бригаде и участвовали в обороне Киева. Мой отец, полковник Ломако Кузьма Иосифович, был командиром этой бригады....Если Вы что-либо знаете о моем отце и месте его гибели, очень прошу сообщить мне по адресу: г. Гомель...»

Письмо третье: «Получил я письмо от Караидельского райвоенкомата, в котором он сообщил мне, что Вы живы и здоровы, работаете плотником в Мрясимовском совхозе, что медали «За отвагу» и «Оборону Киева» вам вручены. Очень приятно, что найден в живых еще один из активных участников героической обороны Киева... Вы были младшим сержантом 2-ой ВДБ, которой командовал полковник Ломако... Очень прошу Вас ответить на мои многочисленные вопросы и подробнее, чтобы я смог это написать в своей рукописи... С уважением, Евдокимов И. Ф.»

К сожалению, дедушка не ответил ни на одно письмо, иногда только перечитывал эти письма и смахивал с лица скупую мужскую слезу. (Вот почему я написала, что жизнь прадедушки могла бы сложиться в послевоенное время совсем по-другому, если б он откликнулся на письма, если б он умел просить за себя).

Я, конечно же, захотела перечитать страницы отечественной истории о героической обороне Киева. Когда я читала об этой битве на страницах сайта, посвященного РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), я вновь и вновь погружалась в трагедию этих сражений, закрывала глаза и видела среди бойцов своего прадедушку...

«С 25 июля по 2 августа на фронте Киевского УР было спокойно. В 7 часов утра 4 августа противник начал артиллерийскую подготовку в юго-западном секторе УР и вскоре перешел в наступление на стыке 2-й воздушно-десантной бригады и 147-й стрелковой дивизии. На переднем крае вокруг дотов разгорелась ожесточенная упорная борьба, длившаяся, не угасая ни днем ни ночью на протяжении всей первой половины августа. 6 августа немцам удалось прорваться к окраинам Киева

и выйти к населенным пунктам Совки, Пирогово...»

«30 августа 1941 г. части корпуса в составе 40-й армии в упорных боях теснили противника. 2-я воздушно-десантная бригада корпуса, уничтожив на подступах к Нехаевке батальон противника и преследуя его, к 19.00 30 августа вышла на рубеж восточная окраина Нехаевки, высота 130,0. ...»

Оборона Киева в 1941 году стала очень тяжелым периодом для Красной Армии. Несмотря на неравные силы, красноармейцы стояли до последнего и совершали отчаянные поступки для того, чтобы не дать немецким войскам продвинуться дальше. Большинство подразделений Красной Армии потеряло связь с высшим командованием, а также с соседними подразделениями. Многие из них попали в окружение и уже не могли вырваться из него. Стоит сказать, что большая часть солдат умирала либо попадала в плен врага.

В плену оказался и мой дедушка. Дата его выбытия из 2-ой ВДБ – «...08.1941». Впереди его ждали фашистские концентрационные лагеря. Прадедушка выжил, был освобожден в феврале 1945 года советскими солдатами. Подобно шолоховскому Андрею Соколову, выстоял, выдюжил... «Вы видали когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть», – таким увидел своего героя М. Шолохов. Наверное, таким пришел с войны и мой прадедушка, нашедший в себе силы приютить двух маленьких осиротевших детей, родной отец которых навсегда остался безвестным на полях сражений той страшной войны...

Сегодня нет в живых уже и моей бабушки. Ее воспоминания в нашей семье бережно хранятся, потому что в них летопись нашей страны, нашего рода, нашей семьи. Пока жива наша ПАМЯТЬ – живы мои прадедушка и прабабушка, которые своим ратным трудом и подвигом приближали Победу, приближали светлый Май 1945 года!!!

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН, УЧИТЕЛЬ, ВОИН. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ МОЕГО ДЕДУШКИ.

Автор: Самоделкин Роман Олегович, 16 лет

МКОУСОШ с. Синегорье Нагорского района Кировской области

*«Война... Страшнее нету слова,
Война... Жесточе нету слова
В огне и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Ещё не сможет быть и нет.»*

Для меня слово «война» - что-то далёкое. Но нет, мы не должны забывать о ней. Это война унесла миллионы жизней, не обошла стороной ни одного дома, исковеркала миллионы судеб. В боях за Родину гибли молодые парни и девушки, женщины и мужчины, старики и дети. Но смерть их была героической, ведь многие погибали прямо на поле сражения, в плену у фашистов. Но, терпя тяжелейшие испытания, они не предавали своих товарищей, родных и, в первую очередь, свою Родину-мать. Все это помогло советским солдатам выстоять и, отдавая последние силы, защищая российские города от бомбёжек, победить в этой долгой, голодной, тяжёлой войне!

Великая Отечественная война, длившаяся 1418 дней, для российского народа навсегда останется в памяти. Годы войны не забудутся никогда. Её не вычеркнуть из воспоминаний тех людей, которым довелось сражаться. Память о войне беспокоила тех, кому удалось выжить, заставляла говорить их от имени всех, кто остался на полях сражений.

Мой дедушка, Федор Иванович Самоделкин, родился 27 мая 1919 г. в д. Самоделкинцы (Ивовцы) в крестьянской семье. Его родители, как и их предки, занимались земледелием, скотоводством. В семье дедушка родился третьим ребенком. Детство для него было трудным. 1921 – 1922 гг. были неурожайными. Хлеба было собрано мало, поэтому приходилось

питаться хлебом, испеченным из кукулины, торицы (смеси разных остатков после обмолота льна, зерна), жмыхами, лебедой, кислинкой. Старшие братья, когда дедушке было 6 – 7 лет, уже работали вместе со взрослыми, поэтому ему приходилось нянчиться с сестрами, порой дома оставался один за старшего.

В институт все вступительные экзамены сдал за 5 дней на «отлично». В ноябре 1939 года началась война с Финляндией, а в феврале 1940 года дедушка пошел служить. Сначала он служил в г. Шадринске, на Урале, в 439 запасном стрелковом полку. Здесь же был назначен заместителем политрука роты, одновременно был комсоргом роты. Их готовили на Финскую войну, но не успели, так как война закончилась в марте 1940 года. Но армейская служба продолжалась. Занимались по 12 часов в сутки. В апреле 1941 г. дивизия в полном составе делает марш-бросок в Минск для подготовки к параду войск в честь празднования Первого мая. В полной готовности вся дивизия снимается и движется по направлению к городу Гродно, на границу с Восточной Пруссией.

19 мая прибыли на место, а через месяц началась война. 22 июня 1941 г. немецкие бомбардировщики и дальнобойные орудия ударили по расположению наших войск. Затем прозвучала тревога – дивизия вступила в бой в первый же день войны и понесла значительный урон. Особенно 141 полк, в котором служил мой дедушка, ведь он был ближе всех к границе. В это время уже горел город Гродно, склады с оружием, боеприпасами и продовольствием тоже были в огне. 27 июня был взят немцами

Минск, а дивизия была еще под Гродно. Ведя непрерывные бои, через леса и болота (это в Западной Белоруссии) пробивались к Минску. Они еще не знали, что Минск уже взят. В ночном бою около Старой границы, в районе Рубежечичей, дедушку контузило и ранило в ногу и руку.

В состоянии ранения и контузии дедушка попал в плен. 6 июля 1941 г. пленных привезли в Столбцы, в лагерь под открытым небом. Через несколько дней их построили и погнали на станцию, где стоял состав с закрытыми товарными вагонами. В вагоны загоняли прикладами столько людей, сколько помещалось, чтобы можно было как-то стоять, и в таком положении их везли двое суток без воды и пищи. На остановках умерших от ран выбрасывали из вагонов. Постепенно становилось свободнее. Дедушку спасло то, что в лагере в Столбцах у них сформировалась группа однополчан, и они держались вместе, поддерживая друг друга.

Покормили первый раз в Бресте, дали по 200 г. хлеба и воды. Отправили в Остов – Мозовецкий, лагерь смерти. Шли пешком 33 км. По дороге тех, кто падал, не мог идти, тут же пристреливали.

В этом лагере они жили в норах,

Самоделкин Федор Иванович

как лесные звери. Земля была песчаная, руками вырывали норы и по несколько человек залезали в них, чтобы было теплее. Дедушка здесь встретил своего земляка, Жукова Александра Иосифовича, из соседней деревни (Антоновцы). У него была плащ-палатка и буханка хлеба (сбросили с самолета англичане), вот это и спасло дедушку от дождя, голода и холода.

Лагерь был расположен на картофельном поле. Картошки еще не было, а была ботва. На следующий день не осталось ни ботвы, ни старой картошки. Все было съедено. У пленных началась дизентерия, а потом и смертность. Туалета не было, а была вырыта траншея, которая после заполнения засыпалась, а рядом выкапывалась другая. Хорошо, что дедушка не ел зелени, вот это их с Жуковым и спасло. И другой еды они не ели несколько дней.

В конце августа началось «путешествие» по лагерям Восточной и Западной Германии. Полмесяца или больше они жили в товарных вагонах и, передвигаясь по Германии, строили бараки (собирали бараки из готовых щитов). Одни разгружали вагоны, перетаскивали щиты к месту строительства, а другие строили бараки. Потом пленников перевезли в центр Германии – лагерь IV «С», где их официально зарегистрировали и присвоили номера. Дедушкин номер – Stalag IV «с» 120625. С тех пор имя и фамилия не упоминались.

В сентябре перевезли в концлагерь VII «А» – Магсбург (Бавария). Зачислили в рабочую команду по строительству канала в 1 км. от местечка Крумбах. Вот здесь дедушка впервые попытался бежать, но был схвачен и сильно избит. Заболел, был направлен на «лечение» в лагере, а в конце 1942 г. дедушку из команды списали как безнадёжного, умирающего человека. Но дед выжил. В 1943 г. была сформирована команда из тех, кто попал в плен летом 1942 г. под Сталинградом, и направлена на кирпичный завод в г. Рофинген (Бургац). Здесь дедушка пробыл до лета 1944 г.

Летом они втроем организовали побег.

Шли две недели, не имея карты, компаса и не представляя, что за местность, двигались в сторону Швейцарии. Каждый думал, что спасение близко, но на берегу Боденского озера их поймали снова и отправили после основательной «профилактики» дубинами в лагерь VII «А», где после суда дали два месяца тюрьмы, а потом отправили в штрафную команду на каменоломни в местечке Шнель – это в предгорьях Альп. Снова дедушка заболел, отказываясь от работы. И снова лагерь, но теперь уже другой – концентрационный лагерь VII «В». Здесь раненую руку «прооперировали», палец резали несколько раз.

В это время пришел запрос от хозяев кирпичного завода, и его вместе с командой переправляют на кирпичный завод.

В конце апреля 1945 г. фронт достиг Бургау. Кирпичный завод оказался между двумя огнями. С одной стороны стреляли английские танки, а с другой – немецкие.

25 апреля 1945 г. английские войска освободили наших военнопленных. Их отправили в фильтрационный лагерь – Аугсбург. Оттуда в июне направили на поезде, а потом пешком в город Эрфурт. Через месяц, после тщательной проверки органами СМЕРШ (смерть шпионам), направили для дальнейшего прохождения службы в г. Плауэк, в 57 Гвардейскую стрелковую дивизию на должность младшего приемщика полевой почтовой станции дивизии, откуда дедушка и был демобилизован в январе 1946-го.

Фашистам надо было подавить психически, унижить советского человека. И это проявлялось на протяжении всего периода пребывания в плену.

Несмотря на всякие унижения, мой дедушка был верен своей стране, потому что верил в победу советского народа и ее Красной армии. В плену с ними обращались на языке палки, бича, кулака. Они все 4 года не слышали своих имен, кроме как «русская свинья». Вот поэтому он очень болезненно относится к воспоминаниям о том периоде, когда находился в плену у фашистов. Вспоминая о прошлом, приходится переживать те мрачные

времена и случаи, которые происходили с ним и его товарищами. Это очень трудно было пережить.

С 18 марта 1946 г. после демобилизации дедушка работал в Синегорской семилетней школе учителем математики и физкультуры. Потом его перевели в другую школу. С 1 сентября 1949 г. он был учителем математики и физкультуры в Шкарской семилетней школе.

С 1 сентября 1964 г. по 2 июля 1979 г. Ф. И. Самоделкин – директор Синегорской средней школы.

Награжден орденом Отечественной войны, многими медалями за участие в Великой Отечественной войне, медалью к 100-летию рождения В. И. Ленина. Ветеран труда, имеет около 20 похвальных грамот, в том числе грамоту Министерства просвещения РСФСР. Болезнь настигла его уже на пенсии, но он отказался от таблеток, старался не поддаваться стрессам, полностью перешел на травы (их собирала и готовила отвары моя бабушка Зоя Афанасьевна). Он был интересным рассказчиком, много знал и многое помнил. К сожалению, деда уже нет в живых. Но я по сей день люблю своего деда и никогда не забуду.

В районной газете было напечатано стихотворение, посвященное моему дедушке:

*Он места родные эти
Знает все наперечет:
Под горою речка Кобра
К Вятке катится, течет...
У директора все свет.
Так по совести, по воле
Он работал много лет,
Позабыв про дом родной,
Что бывает выходной.
Тратил жизненный свой век,
Чтоб из каждого ребенка
Получился ЧЕЛОВЕК.*

РАССКАЗ О ВЕТЕРАНЕ

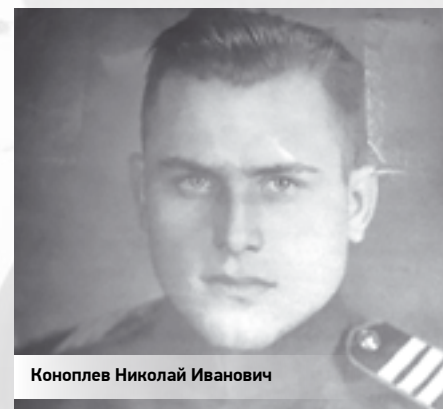

Автор: Шемякин Матвей Андреевич, 15 лет
МОКУ СОШ № 2 г. Лузы

*Я был не трусом, и бойцом,
За бой награда представлялась.
Но главная награда – жизнь!
Как хорошо, что ты осталась.*

А. В. Чикучев.

Много разных войн происходило в истории нашей страны. Но самой жестокой и кровопролитной была Великая Отечественная война, длившаяся целых четыре года. Немецко – фашистские захватчики, напавшие на нашу Родину, хотели поработить советский народ, лишить его самостоятельности, присвоить себе все богатства огромной земли. Разве могли русские люди смириться с такой участью?! Конечно же, нет! Встали на защиту своего Отечества. Нелегко было победить жестокого и сильного врага. Больше двадцати шести миллионов советских людей погибло в этой войне. Двенадцать с половиной тысяч защитников родины послала на фронт лужская земля. Около половины из них не вернулись с полей сражений. Пропал

Коноплев Николай Иванович

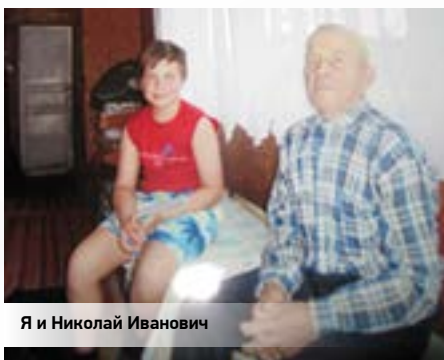
без вести в декабре тысяча девятьсот сорок первого года мой прапрадед Иван Иванович Пупышев. Защищали Родину на фронте прабабушка Клавдия Кузьмовна Комарицына и три прадеда: Николай Михайлович Комарицын, Иннокентий Андреевич Шемякин и Павлин Ефимович Молчанов. Война – это большое людское горе, смерть, страх, голод, разрушения, непосильный труд. Дети работали наравне со взрослыми. Моему прадеду Сергею Ивановичу Пупышеву пришлось оставить учёбу и трудиться в колхозе с двенадцатилетнего возраста. Никого из родных защитников Родины уже нет в живых. Но я помню и горжусь ими.

Семьдесят три года прошло со дня Победы. Жаль, что уходят из жизни фронтовики. Сегодня в нашем районе проживает всего двенадцать участников Великой Отечественной войны. Многим моим сверстникам никогда не доводилось общаться с живыми ветеранами. Мне очень повезло, потому что я дружу с одним из свидетелей тех далёких событий и хочу о нём рассказать. Это Николай Иванович Коноплев. Двадцатого апреля этого года ему исполнится девяносто три года. Живёт он в нашем городе на улице Труда недалеко от моих бабушки Светы и дедушки Васи. Бывая у них в гостях, я познакомился с Николаем Ивановичем.

Родился и вырос он в деревне Ефременки Котельничского района Кировской области в семье Натальи Михайловны и Ивана Поликарповича Коноплевых. Отец умер рано. Мать осталась одна с тремя мальчиками. Жили бедно. Маленький Коля ходил учиться в школу за шесть километров в деревню Катни. «Учился я хорошо. Закончил

три класса. Продолжить образование не пришлось: надо было помогать матери», – вспоминает Николай Иванович.

Когда началась война, ему исполнилось шестнадцать лет, а в восемнадцать второго мая тысяча девятьсот сорок третьего года был он призван в армию. Участвовал в военных действиях с конца тысяча девятьсот сорок третьего года на Первом Белорусском фронте в сорок седьмой армии двести двадцать третьем стрелковом полку в полковой роте автоматчиков. С января тысяча девятьсот сорок четвёртого по тысяча девятьсот сорок шестой годы он – командир стрелкового отделения двести пятьдесят седьмого стрелкового полка. Участвовал в освобождении Белоруссии и Польши от немецких захватчиков. Николай Иванович рассказал, что был три раза ранен. Одиннадцатого марта тысяча девятьсот сорок четвёртого года в левую, а пятнадцатого мая того же года – в правую руку. Эти ранения он считает лёгкими. А вот седьмого февраля тысяча девятьсот сорок пятого года его ранило тяжело в живот. Случилось это на территории Польши. Разорвалась мина. Несколько солдат погибли. Было много тяжелораненых. Николаю Ивановичу рану перевязали товарищи. Он несколько раз терял сознание, думал, что умрёт. Очнулся в медпункте. Обрадовался, что живой. Военврач был из Кировской области. Очень хороший. В госпиталь раненых привозили на лошадях, запряжённых в телеги. Николай Иванович помнит, что носилки с ранеными с повозок переносили военнопленные немцы. В госпитале врачи и медсёстры были русские, а подсобные работы выполняли поляки. В больнице встретил он и День Победы. Думал: «Скоро домой!» Оказалось, что нет. Демобилизацию не объявляли. Говорит, что даже плакал, так хотелось в родные края. После выздоровления вернулся в свою часть. Она стояла в Германии. Воинскую часть разделили: одни были направлены на Дальний Восток, где вскоре начались военные действия с Японией, а его с остальными оставили в Германии для

Я и Николай Иванович

восстановления разрушенных немецких городов. Ещё пять лет нёс он службу. В родную деревню вернулся только в тысяча девятьсот пятидесятом году. Я спросил у Николая Ивановича: «Наверное, страшно было на войне?» «Страшно, особенно вначале, – ответил он. – Страх приходилось преодолевать». Запомнился ему один тяжёлый момент форсирования реки Вислы, одной из крупнейших в Польше: «Мы должны были переправиться на другой берег. Нелёгкая задача. У противника, закрепившегося на противоположном берегу, большое преимущество. Держит под огнём всю водную гладь. Снаряды рвутся один за другим. По тонкому льду всё-таки перебираемся и лежим головой на земле, а ноги в воде, все замёрзшие и сырые. На берег выйти не можем. Пули свистят над головой, вражеские снаряды рвутся рядом. В общем, бьют фашисты безжалостно. Непросто тогда было одолеть врага». Николай Иванович отметил, что солдату легче перенести все тяготы войны, если он имеет крепкое здоровье. Обладает такими качествами, как выносливость, смелость, ловкость, собранность.

Поинтересовался я у него о том, как поляки относились к русским освободителям от фашизма. «Встречали доброжелательно, радовались, никакой неприязни со стороны поляков не наблюдал», – ответил мне ветеран. Очень огорчился он, что в настоящее время в Польше разрушают памятники советским воинам; говорит, что много наших солдат

погибло на польской земле. За боевые заслуги Николай Иванович награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени, медалями: «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и многими другими.

Вернувшись с войны домой, он сразу начал работать в колхозе трактористом. Вскоре женился на славной девушке Анне. Через восемь лет с семьёй переехал в Христофорово. Устроился в леспромхоз. Трудился до самой старости. За хорошую работу имеет много грамот и благодарностей. В Христофорове семью Коноплёвых очень тепло принимали и любили. Николай был знатный гармонист на всю округу. Под стать ему супруга Анна Алексеевна. Как она могла задорно отбивать чечётку, отплясывать серблянку! Односельчане так говорили: «Где Коноплёвы гуляют, там весело бывает». С тех пор много воды утекло. Нет в живых сына и дочки. Сейчас живёт Николай Иванович один в квартире, купленной по «ветеранскому сертификату» в Лузе. Хотя и много уже лет ему, а без дела не сидит. Ещё недавно можно было наблюдать, как он снег убирает, с дровами возится, что-то в огороде копает, по дому хлопочет. Сам ходил до ближайшего магазина за продуктами. Но вот нога заболела. Зимой в больнице лечился. Всё труднее стало управляться с домашними делами, приходится обращаться за помощью к людям. Приезжает к нему социальный

работник, чтобы помочь по хозяйству. На улице все соседи уважают Николая Ивановича и помогают ему жить. Дедушка Вася, например, распиливает и колет дрова, что-то ремонтирует. В эти зимние каникулы я тоже с удовольствием поучаствовал в колке дров для Николая Ивановича. Любит Николай Иванович музыку. Очень нравятся ему военные песни, особенно песня «Ехал я из Берлина». Показал он мне свой аккордеон. В молодости самостоятельно выучился на нём играть, а теперь пальцы не слушаются. Я тоже люблю музыку. Как-то летом пришёл к нему с гитарой. Спел для него песню «В землянке» и песни Владимира Высоцкого «Звёзды» и «О друге». Николаю Ивановичу было очень приятно. Мечтает он прожить до ста трёх лет, а я хочу, чтобы жил ещё дольше.

Каждый год Девятого Мая хожу я на митинг к обелиску Победы, чтобы почтить память всех защитников нашей Родины. Жаль, что фронтовиков на почётном месте со временем всё меньше и меньше. В прошлом году был только один. Не под силу принимать участие в праздничных мероприятиях и Николаю Ивановичу. Отмечает он День Победы дома. Я всегда поздравляю его, желаю здоровья и счастья. А он хочет, чтобы в моей жизни никогда не случилась война. Вместе со своими родителями хожу я Девятого Мая в «Бессмертном полку». Мы с гордостью несём портреты своих родных, подаривших нам мир. Будем его беречь.

Автор: Шуклина Софья Игоревна, 16 лет

Кировское областное государственное общеобразовательное бюджетное учреждение «Средняя школа с углублённым изучением отдельных предметов пгт Фалёнки»

Сергей Митрофанович всё никак не мог заснуть, ворочался с боку на бок: нещадно

ныла душа, как несклади обострились старые раны. Вроде не старый ещё, а сил

ГОРДОСТЬ ОТЦА

совсем не стаёт. Нет, надо уснуть. Завтра ответственный день – начинается уборка хлебов. Надо убрать всё до последнего зёрнышка, хлеб сейчас на вес золота. Тяжело придётся. Но ничего, справимся! Мы-то ведь дома! Всё сделаем, чтобы помочь нашим солдатам на фронте. Вон нас сколько – бабы, дети, подростки, старики подмогут. Мужикам нашим тяжелее сейчас вдвойне.

...Война! Эта проклятая война! К горлу подступил ком, стало тяжело дышать.

Среднего сына сегодня отвёз на сборный пункт – волна воспоминаний захлестнула Сергея Митрофановича. Как он мечтал о сыновьях! Сыновья – это опора, сила, поддержка. Бог дал трёх сыновей и пять дочерей. Старшие дети уже выросли, семьями обзавелись. Как и мечтал, сыновья – это его гордость.

Старший, Николай – передовой тракторист Бельской МТС, одним из первых освоивший трактор. Ступок энергии, коренастый, горячий, вспыльчивый, до работы жадный. В деревне его Коля – Ходя прозвали. Всё на ходу делает, ни минутки не отдохнёт. Ещё и сестру младшую Тасю посадил на трактор. Оба передовики. Их имена не сходят с районной газеты «Колхозная правда». Николай в 1937 году за хорошую работу и высокую производительность труда был награждён поездкой в Москву на ВДНХ.

Иван – средний сын. Спокойный, приветливый парень. Все близлежащие деревни ходят в его полушубках и тулупах. Первоклассный портной. Чуть больше года прошло, как вернулся он с финской войны. Худой, осунувшийся, но живой, слава Богу!

Младший Дмитрий – грамотный, статный красавец, без пяти минут военный лётчик. Весной письмо прислал, что приедет летом на побывку. Теперь уж точно не приедет.

– Тять, а я буду лётчиком! Буду летать высоко – высоко над землёй и вам сверху рукой махать! – однажды, прибежав из школы, заявил десятилетний Митька. И ведь своего добился-таки! После

Шуклин Дмитрий Сергеевич (1941 год)

окончания семилетки в селе Белая уехал к тётке в Пермь. Работал на заводе, сразу же записался в аэроклуб. Через два года сообщил, что его приняли в Пермскую военную школу лётчиков.

Жизнь, жизнь! Какая непредсказуемая штука! Как любил повторять отец Сергея Митрофановича: «Жизнь – как цыганская лошадь: в гору чуть везёт, а под гору – хоть глаза зажмуривай!». Так оно и есть! Ещё недавно всё было спокойно, размеренно, и вдруг – война, события сменяются одно за другим.

Опять война! Что это такое, Сергей Митрофанович знал не понаслышке. Сам участник Первой Мировой, дважды был ранен, три года был в плену в Германии. Родные уже всякую надежду потеряли, а он живой вернулся.

...Николая призвали на четвёртый день войны. Вернулся из МТС, два часа на сборы дали. Даже в бане не успеет помыться – хорошо, что река Святица недалеко от дома, под угором, можно там окунуться. Обнял жену, троих старших детей. Постоял у забки младшего сына, который родился месяц назад и которого ещё не видел – самая работа в поле. Простился с родителями...

– Как там мои сыновья? Удастся ли

свидетель? Вернутся ли с фронта? – сердце Сергея Митрофановича безжалостно заныло.

Николай прошёл почти всю войну. Старшина, командир отделения 709 Отдельного Линейного батальона связи. Всегда на передовой. Защищал Ленинград, освобождал Прибалтику. При форсировании реки зимой 1945 года сильно простудил почки, чудом выжил. Три месяца в госпитале. Комиссовали. Домой вернулся 4 мая 1945 года инвалидом второй группы. А уже через два дня сел за штурвал трактора!

В составе 47 Гвардейской стрелковой дивизии оборонял Крымский полуостров и Новороссийск сын Иван. Участник Сталинградской битвы. Был ранен. После госпиталя возвращался в часть, но эшелон по дороге разбомбили. В декабре 1942 года пришла домой похоронка. Было Ивану всего 28 лет. Без отца остались трое его сыновей.

Дмитрий воевал на востоке. Младший лейтенант, лётчик 777 отдельного истребительного Авиационного полка Дальневосточного фронта «...за время

боевых действий показал себя как преданный храбрый воин в борьбе с японскими империалистами...», был награждён медалями «За отвагу» и «За Победу над Японией». После войны дослужится до звания полковника. Домой на побывку он сможет приехать только в 1950 году.

Тогда Сергей Митрофанович этого ещё ничего не знал. Знал одно – его сыновья не посрамят его имени, будут сражаться до последней капли крови. Так он их воспитал!

Под утро забылся Сергей Митрофанович тревожным сном, а чуть свет – на работу. Некогда хандрить. Дел много...

Этот рассказ посвящается моему прапрадеду Шуклину Сергею Митрофановичу, 1887 г.р. и его сыновьям Шуклину Николаю Сергеевичу, 1909 г.р., Шуклину Ивану Сергеевичу, 1914 г.р., Шуклину Дмитрию Сергеевичу, 1919 г.р., уроженцам деревни Черноплесцы Бельского сельсовета Фалёнского района Кировской области.